

Каноны даосской традиции Тайшань гласят: «В пустоте есть вещи, в пустоте есть образы». Методы передачи учения зачастую обходятся «без единого слова». Ли Цзиньюй не получила наследия Тайшань, а лишь запомнила то, что слышала от матери в детстве. Взглянув на погружённую в раздумья Цзи Юйтан, она внезапно умолкла. Если бы Цзи Юйтан смогла постичь хоть крупицу даосского учения из «Небесной книги Дао и Дэ» и временно снять подавление магической силы в пещере, это был бы наилучший исход. Если же ей не удастся постичь, то придётся искать другой способ. Раз уж она последовала сюда, значит, у неё есть возможность спастись.

Истинный Дракон обосновался в Нивань-дворце Цзи Юйтан. Получив наследие «Канона Превращения в Истинного Дракона», она использовала возможность созерцать божественного дракона, что ускорило её совершенствование на этом пути. Однако данный метод требует внешнего воздействия, а она, будучи бедной и к тому же пленницей, пока не могла о нём и думать. Цзи Юйтан могла лишь следовать словам Ли Цзиньюй, размышляя о даосском смысле «Небесной книги Дао и Дэ». Ранее, в Лунфу, она произнесла даосские письма, и тогда распахнулись наглухо запертые ворота. Возможно, сейчас стоит попробовать сделать то же самое, чтобы выбраться из затруднительного положения?

Цзи Юйтан погрузилась в созерцание, в Цзян-дворце зародилась мысль, и она медленно начала вырисовывать смутные очертания даосской книги. Эта мысль протянулась к Нивань-дворцу, где обитавший там дракон вдруг забеспокоился и издал грозный рык. Видение дракона в Нивань-дворце содрогнулось, и из носа и рта Цзи Юйтан мгновенно хлынула кровь.

— Тяжёлое — корень лёгкого, спокойное — владыка беспокойного! — сознание Цзи Юйтан всё ещё пребывало в море сознания, она не очнулась. Позади неё витала книга, которая постепенно материализовалась, стоило ей произнести эти восемь слов. Энергия дракона, заполнявшая Нивань-дворец, под натиском даосских писем отступила, и книга, словно солнце, засияла ослепительным светом, подавив драконье тело.

Когда сознание Цзи Юйтан вернулось, её одежда была пропитана потом. На коленях лежал платок со следами крови — явно не её рук дело. По лицу Цзи Юйтан пробежал лёгкий румянец, она смущённо взглянула на Ли Цзиньюй и тихо сказала:

— Спасибо.

Ли Цзиньюй улыбнулась и спросила:

— Ну как?

Все эти годы она уделяла немало внимания семье Жань и, естественно, кое-что знала о Цзи Юйтан. Тело Рассеивания Духа не способно концентрировать магическую силу и истинное начало, но обладает Врождённым Сердцем Дао — словно создано специально для «Небесной книги Дао и Дэ». Иначе как бы она смогла запомнить пять тысяч слов? Где же она хранит саму «Небесную книгу Дао и Дэ»?

Цзи Юйтан покачала головой, затем кивнула. Видение в Нивань-дворце породило странную связь, словно через неё она могла отыскать корень Великого Пути. Однако это возвышенное даосское понимание требовало от неё собственной силы. Смутно ощущалось, что если она не выдержит эту мощь, то в момент её нисхождения тело может разрушиться. Но, судя по всему, практика драконьего канона способна укрепить физическое тело, что, кажется, гармонирует с «Небесной книгой Дао и Дэ».

Ли Цзиньюй не стала больше мешать Цзи Юйтан. Если бы всё давалось так просто, это не было

бы основным каноном даосской линии Тайшань.

Три дня спустя.

Серый старый даос втащил в каменную комнату окровавленный медный котёл и, выпустив магическую силу, мгновенно разжёл под ним пламя. В левой руке он сжимал нож для разделки мяса и с интересом разглядывал Цзи Юйтан и Ли Цзиньюй.

— Съев вас двоих, я смогу достичь Пути Изначального Духа.

Увидев, что обе женщины в клетке сохраняют спокойствие и не издают панических криков, лицо Е Гугуана внезапно потемнело. Оскалившись, он зловеще прошипел:

— Я использую этот тупой нож, чтобы вскрыть ваши груди и вырезать сердца. Вы не умрёте сразу — будете лежать в лужах крови и смотреть, как ваши конечности отрывают, а ваши тела будут ещё дёргаться.

— Демон, к чему пустые слова? — раздался холодный, насмешливый голос Ту Даньчжу.

Её взгляд, пронзительный сквозь чёрные волосы, упал на Е Гугуана. Тот даже не взглянул на неё, лишь активировал кровавое заклинание, вызвав лозы, которые принялись пожирать её плоть. Невыносимая боль исказила лицо Ту Даньчжу, она стиснула зубы, не переставая бранить старого даоса.

Старый даос с удовольствием наблюдал за её муками.

— Хочешь, чтобы я дал тебе быструю смерть? Думаешь, я дурак и позволю твоей печати сработать?

Он наслаждался выражением боли на лице Ту Даньчжу, даже не утруждая себя контролем над огнём под котлом.

Ли Цзиньюй бесстрастно смотрела на Е Гугуана.

Хотя магическая сила в этом месте была подавлена, защитные заклинания на её даосской одежде всё ещё могли быть активированы — для этого требовалось внешнее воздействие. Её магия принадлежала к воде, к символу Тайинь, и в этом котле как раз была возможность снять ограничения. Ли Цзиньюй уже собиралась заговорить, как вдруг услышала тихий голос Цзи Юйтан у самого уха:

— Товарищ Ли, я почувствовала это даосское понимание! Задержи его ненадолго!

Ли Цзиньюй: «...»

Авторское примечание:

Цзи Юйтан: Всего-то основной канон Тайшань.

□ «Учреждение Истины».

□ Отсылка к методам алхимии школы Вэньши.

□ «Основы даосского искусства долголетия».

□ «Даодэцин».

В дальнейшем цитаты из «Небесных слов Дао и Дэ» будут, скорее всего, из «Даодэцина».

У Ли Цзиньюй уже была мысль использовать котёл, чтобы снять ограничения на своей даосской одежде, и она была готова встать на передний план. Но после слов Цзи Юйтан в её сердце возникло странное ощущение. Она искоса взглянула на Цзи Юйтан и, увидев, что та окружена аурой духовности, которая не казалась притворной, подавила этот порыв и спокойно обратилась к Е Гугуану:

— Этот котёл у вас — Котел Таотье с драконьими узорами из звездного песка, верно?

Брови Е Гугуана дёрнулись, и его взгляд наконец упал на Ли Цзиньюй. Его лицо, похожее на кору дерева, затряслось, исказившись. Он издал хриплый, странный звук, уставившись на Ли Цзиньюй мрачными глазами, и ответил:

— Верно, молодая, глаз намётан.

— Этот котёл переполнен кровавой энергией, он может поглотить только одного человека за раз, иначе смешение различных сил ослабит его эффективность, — Ли Цзиньюй сделала паузу, затем медленно добавила:

— Кого вы, старший Е, собираетесь принести в жертву в этом котле?

Слова «старший Е» пришлись Е Гугуану по душе. Он оскалился в зловещей улыбке и сказал:

— А как думаешь?

Ли Цзиньюй намеренно ответила:

— Мне кажется, вон тот даос подходит.

Она указала вперёд, где другой пленник всё ещё лежал без сознания, не имея возможности возразить.

Е Гугуан промолчал, лишь с усмешкой посмотрел на Ли Цзиньюй:

— Молодёжь боится смерти?

Ли Цзиньюй ответила:

— Потеряв жизнь, не будет и будущего пути — это естественно.

Е Гугуан кивнул:

— Логично.

Но в следующее мгновение его лицо исказилось, и он рванулся к Ли Цзиньюй:

— Но какое мне дело до вашей жизни? Я просто не хочу, чтобы вы, люди, получали то, чего хотите!

Он произнёс это сквозь стиснутые зубы, и в его серых глазах вспыхнула густая ненависть.

В каменной комнате, кроме самого старого даоса, магическая сила всех остальных была подавлена. Теперь Ли Цзинъюй была как рыба на разделочной доске, не имея ни малейшей возможности сопротивляться захвату старого даоса. За одно дыхание он поднял её над котлом, и с тяжёлым стуком массивная крышка отлетела, грохнувшись о землю.

Цзи Юйтан, находившаяся в той же кровавой клетке, не успела среагировать. Она лишь успела схватить пустой воздух, и в её взгляде загорелись гнев и досада. Огонь под Котлом Таотье разгорался всё сильнее. Е Гугуан больше не обращал внимания на остальных в комнате, выпустив несколько заклинаний, он вызвал образ Таотье. За его спиной проявилось чудовище с телом козла, лицом человека, тигриными клыками и человеческими когтями! Е Гугуан, практикующий людоедскую демоническую технику, созерцал именно этого зверя.

В котле клубилась кровавая энергия, от него исходил иссушающий жар. Если бы здесь были маги с силой, они, возможно, смогли бы сопротивляться, но с подавленной магией тела на уровне Сферы Отторжения Смертного были почти не отличимы от обычных смертных. Вскоре они были бы полностью переварены. Хотя Цзи Юйтан и ненавидела свою «невесту» за унижение, она не могла просто стоять и смотреть, как та умирает у неё на глазах. Её решимость усилилась, и даосское понимание, витавшее где-то в глубинах, казалось, стало ближе.

<http://bllate.org/book/15949/1426005>